

18+

Александр Тусаров

Здравствуй, Новый год!

Рассказы

Александр Гусаров

Здравствуй, Новый год! Рассказы

«Издательские решения»

Гусаров А.

Здравствуй, Новый год! Рассказы / А. Гусаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691876-4

Необыкновенное случается и в обыкновенной жизни. Не верите? Читайте житейские истории на страницах книги «Здравствуй, Новый год». В этих коротких, но ярких рассказах добро и зло по соседству, а за краткостью и видимой простотой сюжета скрывается глубокий смысл... Любое совпадение с реальными событиями или людьми случайно... как плод авторского воображения. А было ли или нет всё на самом деле, каждый пусть домыслит по-своему...

ISBN 978-5-00-691876-4

© Гусаров А.
© Издательские решения

Содержание

Цветы	6
Женщина за окном	9
Друзья детства	11
Мечта	13
Он ищет её...	15
Сон	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Здравствуй, Новый год!

Рассказы

Александр Гусаров

Благодарности:

«Шедеврум Про»

© Александр Гусаров, 2026

ISBN 978-5-0069-1876-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цветы

Вот и пришла осень с серыми облаками в небе и мутными лужами на асфальте. Она захлестнула душу давно забытой за время летних месяцев грустью. Витёк в такую пору не находит себе места, особенно посреди городских каменных глыб. А те лишь по ночам, когда из окон струился жёлтый электрический свет, и походили на места для обитания людей. В остальное время безликие многоэтажки смотрелись вымершими динозаврами.

Тут ещё мелкий дождичек заморосил, всё никак не подрастая до серьезного и солидного дождя. На душе и без того было погано: целый день он, сварщик высокой квалификации, варил на заводе ЖБИ арматуру, выполняя трудоемкую грошовую работу, а под конец дня из-за этого разругался-таки с главным инженером.

Только вчера он возвращался домой, и солнце тёплыми и нежными лучами словно обнимало его за плечи, гладило, как маленького, по голове. Ветерок играл с придорожными кустиками, готовыми потянуться ему навстречу, превращая их чуть ли не в разумные творения. Ничего не напоминало о скором приближении осени. Не требовалось мириться с переживаниями, искать убежища и покоя. Умные мысли о значении судьбы в жизни человека поднимали настроение и возвышали над будничной городской суетой. Зелёные шарики за резными каштановыми листьями точно готовились сорваться и приятно уколоть тёплые ладони. Ох, как же хорошо ему вчера шагалось с работы...

– Хлеба купил! – едва переступив порог, будто звук разорвавшейся гранаты, услышал он строгий голос жены.

Витёк застыл у дверей. Перед тем, как выйти из дома, он долго искал свои полуботинки и носки, которые часто бросал посреди комнаты, а в этот раз умышленно спрятанные Наташей. Она все семь лет супружеской жизни пыталась приучить его поддерживать порядок в их однокомнатной квартире. Из-за чего, похоже, он пропустил мимо ушей её просьбу. Хорошо, что сына они на неделю отвезли погостить к бабушке, и тот не видел позора любимого папочки.

Он развел руками.

– За-был...

– За-б-ы-л, – передразнила она, подчеркивая несостоятельность его оправдания.

– Я сейчас сбегая. Куплю, – суется, проговорил Витёк. Он сбросил обувь в прихожей, заскочил в спальню и, из-под сложенного в прикроватной тумбочке нижнего белья, достал записку. Это была перетянутая резинкой тонкая пачка мелких бумажных купюр. Он на ходу сунул деньги в карман и вернулся.

– Что носишься: туда-сюда, туда-сюда? – поморщившись, спросила Наташа.

– Да-я, – соображая, что ответить, попытался скоротать время Витёк. – Документы не взял, – нашёлся он.

Наташа отвернулась от него, как от надоедливой букашки.

Витёк выскочил во двор и, постояв несколько мгновений, облегченно вздохнул: «Пронесло».

Дождичек прекратился. Длинный коридор улицы вывел его к центру города. Он уткнулся в закрытые двери булочной и посмотрел на часы. Было десять минут девятого. Взгляд скользнул по зданию через дорогу, вросшему в землю по самые форточки на окнах первого этажа. Возле каждого окошка были видны выложенные кирпичами прямоугольные ямы глубиной метра по полтора. Около одной из них трое подвыпивших мужчин в свете ярких уличных фонарей что-то оживленно обсуждали.

Самого пожилого, с седыми подпалинами, Витёк узнал. После трудового дня он иногда сталкивался с ним у соседнего подъезда. Сосед был всегда в военной форме – чистенький и опрятный, своим видом вызывая зависть у прекрасной половины жителей дома, и в её

устах являясь образцом для подражания другой, менее прекрасной половины. Сейчас китель на нём был нараспашку. Фуражка съехала на правое ухо. Он еле удерживал равновесие, но, казалось, внимательно прислушивается к собеседникам. Порою он даже пытался что-то произнести, но когда открывал рот, слова заставляли туловище военного пружинить назад, а ноги делали шаги то вправо, то влево, напоминая магический танец. Гражданские друзья, не обращая ни на кого внимания, рисовали полусогнутыми пальцами друг перед другом замысловатые фигуры. Седой в последний раз станцевал, сложился вдвое и исчез.

Двое приятелей, не замечая отсутствия третьего собеседника, продолжали размахивать друг перед другом руками. Вдруг один из них начал озабоченно озираться вокруг. Какая-то сила заставила его посмотреть в выложенную кирпичами яму. Он наклонился и махнул рукой своему другу. Они без видимых усилий извлекли попавшего в беду товарища, тщательно стряхнули с него мусор и с новой страстью вернулись к разговору.

Наблюдая за ними, Витёк внезапно ощутил прилив глубокой тоскливой зависти. Показались они ему старыми и добрыми друзьями, обсуждавшими важнейшие проблемы мироустройства. За это открытие его, конечно, никогда не могли номинировать на Нобелевскую премию, но зато в душе прокатилась волна радости к жизни и уверенности в себе.

Он перешёл через дорогу, подошёл к бабушке, торговавшей на углу хризантемами с собственной дачи, и протянул деньги за букетик, представляя, как подбореет Наташа, принимая цветы, чмокнет его в щёку, а он, считая это внимание к себе пустяками, пробормочет: «Да ладно тебе...»

Витёк приблизился к кафе с толстыми запylёнными окнами. Хлеб в этот час продавался только там. За деревянными столами на толстых массивных ножках сучали две пары посетителей. У огромного, во весь зал окна, он заметил девушку с тёмными, выющимися до самых плеч волосами. Она кокетливо, двумя пальчиками держала чашечку с кофе и время от времени подносила её к полным губкам, бросая взгляд, полный томительного ожидания.

Предстала она перед ним прекрасной и таинственной незнакомкой, точно первая вечерняя звезда, и стала такой желанной. А глаза, большие и манящие, всё смотрели с тайной глубокого речного омута. Давно так Наташа на него не смотрела.

У стойки он протянул деньги, но вместо хлеба попросил водки и закуски. Через пару секунд Витёк уже сидел напротив незнакомки и подливал ей из пузатенького графинчика.

Он повторил заказ и огляделся. Немногие посетители, что сучали вокруг, когда он вошёл в кафе, уже покинули заведение. В полумраке они остались одни и слово за слово разговорились. Девушка поведала ему о своей неудачно складывавшейся жизни. Как Витёк мог её не понять?! Ему, тонкому психологу, считавшему себя, как и все нормальные люди, умнее и талантливее других, было всё так близко, как близко бывает дверь того же магазина, куда не пустили всего через минуту после закрытия, или тот же кипяток из случайно опрокинутого на себя чайника...

— Для меня всё в прошлом, я так устала от всего, — жеманно поводя плечиками, говорила девушка. — Вот вы, наверное, многого добьётесь в жизни. — Она с плохо скрываемой завистью заглянула ему прямо в глаза.

Самолюбие Витька всколыхнулось, побродило по телу и опустилось на стул. Он захмелел и расчувствовался, подарил ей букетик и заказал ещё водки. Незнакомка пробудила в нём незабываемое ощущение своей значимости, а главное — нужности кому-нибудь.

Из Витька поперли стихи.

Кончилось лето, лишь листья кружили,
Как деньги, которые нам отслужили, — выдал он экспромтом.

— Ах! Какой вы всё-таки! — воскликнула восхищенная незнакомка.

«Да, я такой», – нескромно подумал про себя Витёк.

Из кафе они вышли вместе и запетляли путниками из затерянного потустороннего мира, проходя мимо заброшенных уборных, деревянных сараев и прочих уличных строений. Летел Витёк сквозь ночное небо, навстречу с другими планетами.

У него чуть-чуть просветлело в голове, когда во дворе какого-то дома, возле угольной кучи выросли очертания плечистых инопланетян. Но, получив удар локтем по голове, просветление сменилось розовым туманом.

Вспомнил себя Витёк на пути к дому в одних носках, без кожаной куртки, часов и копейки денег в карманах. В ванну он залез прямо в остатках одежды. Изумрудно-зеленого цвета вода после его погружения превратилась в чёрную болотистую жижу.

Витёк плохо соображал, что отвечает Наташе. А та, может быть, впервые за последние годы совместной жизни, спрашивала не так, как это часто бывало в последнее время – громко и резко, а вопрошала откуда-то издалека, тихим и испуганным голосом.

Женщина за окном

Дочка часто подносила к окну большой комнаты в нашей двухкомнатной квартире детский стульчик и с него легко взбиралась на широкий подоконник. Она становилась в полный рост и всматривалась в дом напротив. Серое пятиэтажное здание застыло буквально в пятидесяти метрах. Иногда на один из балконов четвертого этажа выходил перекурить пожилой мужчина в белой майке и чёрных спортивных брюках.

Она с детской непосредственностью четырехлетнего существа кричала ему:

– Дядя! Дядя!

Мужчина, заметив маленькую девочку, звонкий голос которой слышался через открытую форточку, снисходительно улыбался и махал ей рукой. Она, ещё более оживляясь, радостно махала ручкой в ответ и продолжала свои восклицания, как песню:

– Дядя! Дядя!

В очередной раз, опуская дочку с подоконника на пол, я обратил внимание на невысокую темноволосую женщину лет сорока. Она шла между нашими домами по мало оживленному переулочку.

Позже мне не раз доводилось наблюдать, как женщина прогуливается под окнами и иногда улыбается моей дочке.

Быстро пролетело лето. Прошли неторопливая осень и длинная зима. Когда весна запестрела яркими цветами на клумбах и одела в зелёный наряд деревья и кусты, а в женщинах пробудила необъяснимое очарование, я обратил внимание, что незнакомку взялся провожать кавалер. Он выглядел старше своей милой спутницы. Несмотря на костюм и галстук, был он заурядный и невзрачный, может быть, из-за маленького роста и лысины, а может, мне просто так показалось, потому что женщина стала мне чем-то симпатична.

Он шёл рядом с ней и всегда о чём-то возбуждённо рассказывал, а она восхищённо смотрела на него. И куда подевалась прошлая грусть? Мне было так приятно видеть её счастливое лицо... Оно излучало радость и тепло, которыми веет от весеннего ручейка, первой раскрывшейся навстречу весне почки, лёгкого дуновения ветра...

Где-то в конце августа я выглянул в окно и увидел на тротуаре под балконами соседнего дома все тех же мужчину и женщину.

На этот раз у мужчины было строгое и напряжённое лицо. Слов я не расслышал, но можно было догадаться, что говорил он короткими и отрывистыми фразами. Голова у женщины опустилась. Она словно вернулась назад в то время, когда в одиночестве проходила под нашими окнами. Лишь изредка она обращала к нему своё доброе печальное лицо и что-то тихо отвечала. Вот он резко повернулся и бросился прочь.

Опять потянулись прохладные, а затем и морозные месяцы. Поздней весной я вновь увидел эту женщину. Она вышагивала по переулочку с видом уверенного в себе человека. Перед собой молодая мама катила детскую коляску темно-синего цвета. Она склонилась, и её лицо озарилось чудесной светлой улыбкой.

Теперь почти каждый день я видел её с детской коляской. А спустя месяц она исчезла. Через какое-то время и я уехал года на три к новому месту службы, точнее, сначала на курсы по переподготовке офицерского состава, потом в одну длительную командировку, затем в другую...

Однажды под вечер, перед переездом на новую квартиру, мы собрались всей семьей. Дочка давно лопотала осмысленными фразами, выражая всё чаще точку зрения, отличавшуюся от взглядов родителей, и так чуть ли не по каждому вопросу, особенно если это касалось одежды и подготовке к занятиям в школе. На подоконник она уже не взбиралась, и за её жизнь

ни я, ни супруга больше не опасались. Пожилой мужчина, со слов жены, тоже все реже и реже появлялся на балконе.

Я вышел из-за стола и, подойдя к окну, увидел ту самую женщину. У неё была всё та же неизменная стрижка каре. Она вела за ручку маленькую девочку, которая временами поднимала к ней головку, украшенную василькового цвета бантами, и, глядя широко открытыми глазами, что-то говорила.

Вдруг откуда-то из-за угла выскочил знакомый мне мужчина. Прежнего лоска как не бывало. Костюм был помятый, брюки на коленках пузырились. Он встал перед ними и стал с воодушевлением к чему-то призывать. Женщина отстранено улыбнулась, обошла его стороной и вместе с девочкой пошла дальше, а бывший спутник долго стоял и что-то кричал им вслед...

Друзья детства

Большой воздушной ложкой, наполненной до краев синевой, кормило лето зелёные лужайки в скверах и парках, развесистые кроны лип и тополей. Редкие пушинки облаков не задерживали солнечное тепло, и оно устремилось к земле, рассыпаясь на асфальте жёлтыми пятнами.

Генка шагал по тротуару вдоль Первомайского проспекта и неожиданно встретил Петьку Насонова. Обрадовался несказанно – ещё бы! Больше двадцати лет пролетело, как судьбы у них разошлись, а когда-то они ходили в одну школу. Петька потом поступил в медицинский институт, а Генка ушёл в армию. После службы он долго работал в Сибири, а когда вернулся, Петя со своими родными уже перебрался на другой конец города. Вот с тех пор они и не встречались, что-то слышали друг о друге от общих знакомых, но не более того. В общем, топтала каждого своя судьба.

В девятом классе родители купили Генке мопед. Как только он выводил из подвальной кладовки своего железного коня, его тут же облепляли мальчишки со всего двора. Катались по очереди, но первым был, конечно, дружок Петька. А какие битвы разгорались между ними за теннисным столом! И вдруг такая встреча.

– Как живешь-то, Генка? – протягивая руку, спросил у него старый приятель. Его улыбка запомнилась Геннадию открытой и добродушной, а сейчас показалась она ему какой-то пренебрежительной.

– Да так... – отозвался Генка. – Жизнь бьёт ключом, и всё по голове.

В последнее время на него навалились проблемы. Не давали покоя думы об оплате за учёбу дочери и прочие житейские трудности. Когда-то он был хороший механик. У него в гараже числилось тридцать машин. Дороги и время хорошо потрудились над ними. Средства на ремонт приходилось выпрашивать у хозяина – тот обычно отвечал: «Крутись. У тебя зарплата большая». Дни и ночи он со слесарями копался в моторах. Но скоро и зарплату стали задерживать. Генка тогда ушёл с работы, хлопнув дверью. Пристроиться на хорошее место, когда тебе перевалило за сорок, было не так-то легко. По знакомству его взяли в охранники на железнодорожный вокзал. У Генки ко всем несчастьям, оставалась гордость человека труда, да и просто мужчины – он продолжал считать, что может приносить пользу производству, стране, но оказалось, что никто в его услугах особо не нуждается. Поэтому его ответ: «Да так...», прозвучал далеко невесело.

– У тебя-то что? – спросил он, переводя разговор в другое русло.

– У меня? – переспросил Петька. – Я теперь акционер. По существу – хозяин на заводе в Полянах. Все акции у меня. – Петька похлопал себя по карману модных брюк.

Гена подумал о том, что ему, как механику, могло бы найтись место на предприятии старого приятеля.

– А я ведь механик, – пробормотал он, – а работаю в охране на вокзале. За десять тысяч...

– У меня пятьсот-шестьсот в месяц выходит. Это по минимуму, – не дослушав его, проговорил Петька. – Домик прикупил в Черногории, прямо у моря. Мать сейчас за ним присматривает. Природа... я тебе скажу...

– У меня даже дачи нет, – иронично улыбнулся Генка.

– Машину вот поменял, – как бы ни слыша Геннадия, продолжал Петр, показывая на припаркованный у тротуара ослепительно белый «Кадиллак».

– Откуда же на тебя такое богатство свалилось? – с тенью зависти спросил Генка.

– Это батя мой в своё время подсуетился, когда собственность разбирали в девяностых. За копейки он тогда завод и выкупил. Связи помогли. Сам понимаешь, без них никак.

– Он же у тебя в здравоохранении работал. Да и ты, по-моему, на врача учился? Как же ты заводом управляешь?

Петька снисходительно ответил:

– Мне знать ничего и не надо. Нанял директора, тот мастеров с работягами. Положили мастерам по двадцатке, работягам по десятке. Пусть пашут. Они и этому рады.

– Хорошо устроился, – проронил Гена.

– Через три дня в Италию еду. Раз пять в Риме был, а всё равно тянет. Совсем бы переехал, да завод не бросишь, хотя бы два раза в месяц, а надо там появляться. В доме ремонт затеял. Бассейн хочу утеплить. Зимой выходишь из воды – довольно прохладно. – Пётр, ища сочувствия, посмотрел на Генку.

Геннадий отстранённо подумал о том, как они накануне с женой распределяли его будущую зарплату, чтобы выгадать ей на осеннюю куртку, и усмехнулся:

– Замерзаешь, значит...

Приятель понял его ответ по-своему.

– Бабла тоже не хватает. Мать звонила, яхту присмотрела. Из Италии заверну, надо будет глянуть. Двести тысяч баксов я уже отправил.

– Светка-то как? – спросил Гена, припомнив, как Петька бегал за девчонкой с соседней улицы. Он искренне полагал, что встречи двоих влюблённых должны были закончиться только счастливым браком.

– Какая Светка? – удивился Петя.

– Ну, та, что жила у «Дома одежды». Ты ей все цветы с клумбы в нашем дворе перетаскал.

– Эх, куда ты хватил. Я про детские шалости забыл давно. Разбежались. Сейчас другие проблемы. Неделю назад в Кремле был. Президент отцу орден вручал. Да что всё обо мне. У тебя-то как? Семья, дети?

– Нормально. Женат. Сын после техникума работает в автосервисе. Дочь институт заканчивает.

– Да-а, годы летят, – протянул Петька. – А я в областную думу избираться надумал. Ты уж как увидишь в бюллетене мою фамилию, не забудь проголосовать. Я и для города многое делаю. Храм строю. В том году целый месяц бесплатными обедами бездомных кормил...

– Сам-то женат? – поинтересовался Гена.

– Женат! В третий раз! Жена в Испании сейчас. Дочь надо на большую сцену выводить. Задумала певицей стать. Нужно пропиариться как следует, оскандалиться, публику разжалобить. Денег уйдет немеряно... А на днях я с такой красотулькой познакомился. Двадцать лет. Ноги от ушей. Грудь – о! – воскликнул Петька и сделал характерный жест, обеими руками показывая, какие округлости у его новой знакомой. – В постели просто богиня! Сейчас к ней заеду. Коле за десять тысяч баксов ей везу, попьём винца, ну и...

Рот у Генки наполнился горькой слюной. Он смачно сплюнул, угодив на лакированные туфли бывшего друга детства, развернулся и пошёл прочь.

Петька растерянно смотрел ему в спину.

– Ты это чё?! Урод! – дернулся он за Генкой. Потом оглянулся по сторонам и быстро вытер ботинки о газон.

Через несколько минут Пётр вышел из магазина «Лучшие вина мира» с большим пакетом. Он подошёл к белому кадиллаку с тонированными стёклами и приоткрыл заднюю дверь.

– Взял, что вы заказывали, Александр Иосифович.

– Что так долго! За смертью тебя посылать! Садись, поехали! – прозвучал хозяйственный бас.

Мечта

Лорка была взрослой девушкой с умными глазами. В общем-то, её звали Лариса, но с детских лет все привыкли называть Лоркой. Ей уже было под тридцать, а её всё так и зовут: Лорка, да Лорка ну, иногда – Лора. Она уже оставила мысли выйти замуж за своего соотечественника – приличного мужчину, желательно славянской внешности. Как она полагала, все нормальные мужики были давно пристроены, а остались одни неудельные или не у дел. Ну и те, кто при первой встрече готовился сразу вступить с ней в близкие отношения. А этим отношениям Лора придавала очень большое значение и позволить их без предварительной симпатии просто не могла. Надо пообщаться, убедиться в серьёзности намерений. А тут сразу: «Давай!» Нет, так не годится. С женатыми мужиками она тоже не церемонилась. Ни к чему ей лишние проблемы и делёжка одного единственного человека. В большую любовь она уже давно перестала верить.

У неё в душе расцвела незабудкой мечта такого же голубого цвета – выйти замуж за иностранца. Она слышала, что они меньше пьют, больше зарабатывают и реже дерутся. В службе знакомства, куда она обратилась, ей подобрали в пару одного умного японца по имени Ютака, что означало в переводе на русский язык: «богатый», «изобильный», «процветающий». Это было как раз то самое, чего она так долго искала. Да ещё и японского производства. У неё у самой был японский телевизор, и никаких претензий к нему она не имела уже многие годы.

Встретились они через три месяца после переписки по интернету. Японец немного говорил по-русски. Он сразу же повёл её в самый дорогой ресторан. Она кушала суши и запивала саке. Юрка, то есть Ютака, очаровал её галантным обхождением. Вид он имел невзрачный – маленький, полненький и с глазами, будто не совсем открытыми. Но всё-таки иностранец, пусть и японец.

Людка, её подруга, окрестила его – «самурай». Она много читала о японцах и говорила, что самураями были почётные граждане, наподобие наших прежних дворян.

Свадьбу решили играть в конце августа. Лорка мысленно уже распрощалась со своей захолустной конторкой, где она работала менеджером по персоналу и бродила по Токио.

Столица Японии от Фукусимской АЭС, на которой произошла авария, со слов Юрки-Ютаки находилась далеко. Хотя она всю жизнь прожила в доме, из окон которого открывался вид на помойку, так что её вряд можно было чем-то испугать. По поводу предстоящей свадьбы она шутила просто и обыденно: «Наконец-то сбылась мечта идиотки».

За неделю до свадьбы Лорка решила посетить знакомую гадалку Таню – подругу Людки, чтобы порасспросить у той насчёт своей будущей семейной жизни. Гадалка работала на стройке маляром и числилась одновременно как экстрасенс. Танька раскинула перед ней карты и сказала:

– Ничего у тебя не выйдет. Перед свадьбой ты встретишь другого человека и останешься с ним.

Лорка возмутилась. И хотя гадание проводилось на безвозмездной основе, она обозвала Таньку хапугой и на прощание сказала: «Правильно вас по телевизору показывают, как вы народ дурите!» – хлопнула дверью и ушла. Не забыв при этом три раза плюнуть на дверь и перекреститься.

За два дня до свадьбы её пригласила в гости Надежда Ивановна – культурная женщина, которая работала в краеведческом музее и владела тремя иностранными языками. К ним тогда приехали французские специалисты. Надежда Ивановна была женщиной одинокой, но очень общительной. У неё и решили собраться музейные работники, чтобы угостить друзей из Франции. С Лоркой её связывали давние приятельские отношения.

Перед тем, как идти на вечеринку, Лора обратилась к Надежде Ивановне с просьбой:

– А можно я приду с подругой? Она про Японию много знает.

Надежда Ивановна ответила, что в гостях у неё будут французы, но пусть приходит – места всем хватит.

Лорка вошла в комнату и обомлела – перед ней сидели две женщины в очках, одетые, вроде наших монашек. Если бы она встретила их на улице, то ни за что не обозвала иностранками. Между ними восседал мужчина – француз. Гость из Франции отличался от всех виденных ею прежде мужчин своей внешностью. У него был очень большой нос. Такой нос, что, как говорят: «ни в сказке сказать, ни пером описать». Вино он пил тоже большими бокалами.

Когда они усаживались за стол, Людка прошипела ей на ухо:

– Это не нос, а хер прирос.

Лорка отстранённо хихикнула.

А глаза француза вдруг закружили ей голову. Она словно побежала по невидимому другим коридору к своему светлому будущему. За столом царила непринуждённая и весёлая атмосфера. Пили красное сухое вино и болтали о пустяках.

Очнулась Лорка в подъезде своего дома, до которого её довёл Люсьен. Там, в полутьме, он поцеловал Лорку в засос, и между ними произошла близость. От неё у Лорки заложило уши и нос. Ночью в её квартире ей ещё не раз закладывало уши. Она то ли погружалась в морскую пучину, то ли возносилась под облака. Понравилось – это не то слово, которое характеризовало её ощущения. Мама была на даче, и Лора, связавшись с ней по телефону, сообщила, чтобы она не торопилась домой, так как свадьба откладывается на неопределённый срок.

Француз при Лорке позвонил смотрительнице музея Надежде Ивановне, и та, перевела Лоре, что он признаётся в любви и просит у неё руки и сердца. Также она сказала, что ради неё он готов остаться жить в России. Лорке на тот момент уже было всё равно, где проживать. Но она всё же ответила через Надежду Ивановну, что лучше будет, если она поедет с ним. В общем, они решили ехать в Марсель.

Когда Люсьен ушёл, Лорка позвонила Людмиле и обрадовала, что свадьбы не будет.

– А как же твой «самурай»? – воскликнула подруга. – Он же хакари сделает.

– Мне? – испуганно спросила Лорка.

– Себе, дура! – ответила подруга и рассказала Лорке про обычай японцев разрезать себе живот.

Лорка успокоилась, что ей ничего не грозит, и возложила на подругу дипломатическую миссию по переговорам с Юркой – Ютакой.

Через два часа подъезд, где проживала Лора, от входа до дверей её квартиры, был усыпан белыми розами. Под окна подкатил шикарный свадебный лимузин, и заиграли на скрипках нанятые Ютакой музыканты. Лорка наблюдала за ними в щелку сквозь плотно занавешенные тёмно-зелёные шторы. Но к японцу она так и не вышла.

Он ищет её...

«Приглашаю к знакомству симпатичную женщину, умеющую поддержать беседу и с чувством юмора, но не обязательно. Которая станет не просто спутником по жизни, но и настоящим другом. Мне кажется, все люди созданы для счастья, надо только его отыскать. О себе: 180/78, чуть за 40. На хлеб зарабатываю, иногда и на масло. О семейном положении распространяться не хотелось бы. Просто с годами что-то стало не складываться. Надеюсь на взаимопонимание»

Здравствуйте!

Меня зовут Татьяна. Мне тридцать шесть. Я прочитала ваше объявление на сайте. Мне показалось, что вы так же одиноки, как и я. Очень хочется найти близкого человека. Которому можно написать, а при более длительном общении и позвонить, чтобы поделиться своими успехами и неудачами. По возрасту мы с вами почти ровесники. Пусть вы немного старше, но это и к лучшему. Я замужем, но, к сожалению, как это часто бывает, не нахожу понимания у своей второй «половинки». Я так понимаю, что вы тоже несвободны, что, возможно, поможет нам лучше понять друг друга. О себе могу добавить, что я симпатичная и с хорошей фигурой, добрая и заботливая. Буду рада продолжить переписку.

Татьяна.

Здравствуйте, Татьяна!

Меня зовут Сергей. Мой возраст и рост вы знаете. Внешность не отталкивающая. Семейное положение, как вы и догадались, – женат. Но точно так же, как и вы, не нахожу понимания со своей «половиной». Устал от борьбы – кто кого главнее. А ведь когда-то было иначе. Но теперь это в прошлом. Может быть, время сейчас такое? Люди всё более отдаляются друг от друга, стали колкими и раздражительными, а бывает и просто злыми. Но порою так хочется простой человеческой теплоты, доброго слова, участия. А чаще всего приходится встречать равнодушие и безразличие. Это то, что и побудило меня подать объявление на сайт «Знакомства». Давайте попробуем начать общение.

Сергей

Здравствуйте, Сергей!

Очень рада была получить от вас доброе послание. Как же вы правы в отношении происходящего с людьми в наше время. Как они стали враждебно вести себя в транспорте, в магазинах, да и просто на улице. Нелзя человеку слова сказать. В ответ последует такая реакция, что мало не покажется. Тут ещё приходишь домой с работы, начинаешь заниматься домашними делами, а в ответ вместо благодарности можно услышать упрёки или молчание. В крайне случае прозвучит редкое «спасибо». О нежности и говорить не приходится. Возможно, виной всему полный негатива контент в интернете? Почитаешь комментарии – насколько язвительные и недобрые есть люди. Я ещё помню время, когда народ сбегался к человеку со всех сторон, если тому вдруг стало плохо. Куда всё ушло? Даже в семье проникло что-то недоброе. И правда, как вы пишете: «так хочется порою простой человеческой теплоты». Ещё раз спасибо за ваш ответ. Я надеюсь, что наше знакомство, пусть и по письмам, приведёт к чему-то хорошему.

Татьяна.

Здравствуйте, Татьяна!

Думаю, что со временем мы начнём писать друг другу «привет» как более демократичную форму, подчёркивающую дружеское расположение. В отношении изменений в обществе полностью с вами согласен. Ушло сочувствие друг к другу. Не нравится – сразу говорят: «до свидания». А то пошлют... прямым текстом. Вместо «простите» давно звучит прохладное: «извините». А то и просто промолчат, хоть и неправы. Себялюбие заикаливает. Но надо как-то объединяться добрым людям. Вон жулики, те быстро сбиваются в компашки. А мы всё больше по одному. Каждый сам по себе. Даже на работе стали меньше уважать один другого, а кто лучше, тому завидуют. Нет бы порадоваться за человека. Может, надо наоборот, добром сопротивляться злу? В семье тем более хочется получить поддержку, чтобы была видна радость за твои успехи, твоё старание. А тебя чаще всего просто не слышат. Или предъявляют завышенные требования, чтобы добивался того, что выполнить невозможно. Наступил холод в отношениях, когда нет уже ни огня, ни даже тепла! Ну, хватит о грустном...

Пока. Сергей.

Привет, Сергей!

Я учла ваше пожелание и перехожу на менее официальное приветствие. Я вас очень даже понимаю. Холод в отношениях – это просто бич какой-то! Тут и так теряешь доверие ко всему. На каждом шагу – обман. Все друг друга используют. А здесь и дома меня не слышат, как и вас. А то и ко всему претензии: то не так, это не этак. Устаёшь ото всего. От жутких новостей, от вранья, пустых обещаний. Кстати, а как сейчас на улице хорошо. Я возвращалась домой. Пошёл мягкий и пушистый снег. Он прямо наталкивает на хорошие и приятные воспоминания. Так-то мне не с кем перекинуться словом, посочувствовать друг другу. Была подруга, так она переехала в другой город. Редко звонит и вся в делах. Вот теперь делюсь своими мыслями с вами.

Татьяна

Привет, Татьяна!

О, как похоже то, что вы испытываете и на моё состояние. Надо крепиться. Несмотря на воцаряющееся вокруг бездушие и желание обогатиться за счёт другого, идею, которую всеми средствами насаждают вокруг, надо продолжать оставаться человеком. Кто-то мудро сказал: «Родиться человеком – это чудо. Остаться человеком – это труд». Главное – человек в самой государственной системе стал использоваться как «новая нефть». Оттого и люди уже даже жить не хотят и раньше времена уходят. И в семьях разлад от этого. Может, всё ещё и оттого, что мы живём в «человейниках»?.. Хотя в детстве мы прожили на старой квартире в обычном доме, где народу не меньше. Семьи большие. Соседи были как родственники. Все помогали друг другу. Я тоже помню время, когда приходили на помощь попавшему в беду. Дома у меня по-прежнему «холодно». Иногда не знаю, с какой стороны к своей «половине» подъехать. Хотя в последнее время она стала помягче. Да, ты пишешь про снег (не пора ли перейти на «ты»?). Действительно, когда идут белые пушистые снежинки и даже целые хлопья, и кружатся, кружатся – как в песне. Здорово и на душе.

Пока всё. Сергей.

Привет, Сергей!

Как много ты подмечаешь схожего (я, как и вы, перехожу на «ты») с тем, что переживаю и я. И правда, я где-то читала, что эта наша душевная непогода связана с экономическим благосостоянием и событиями вокруг нас. Только я полагаю, что это лишь отчасти. Собственное мнение ведь что-то должно значить? Конечно, как женщина я хочу большего материального благополучия. Но и «культ собственности» пропагандируемый повсюду, не делает

человека счастливым, а даже приводит к духовному опустошению. Кстати, и мой вроде бы стал мягче. Но хочу поговорить о другом. Как же быстро летит время. Я помню себя как сегодня – школьницей, с косичками. И вот я уже зрелая женщина, которой надо самой принимать решение как следует жить дальше. Сын уже взрослый, мои советы выслушивает с улыбкой. Хорошо, что он непохож на большую часть нынешнего ожесточившегося поколения. Муж как-то незаметно отдалился. Так вот я и осталась сама с собой. Свободной и независимой, но не очень счастливой. И как с этим жить дальше пока не знаю. Но со временем – разберусь. Надеюсь, что ты в чём-то мне поможешь.

Пока, пока. Татьяна.

Привет, Татьяна!

Полностью с тобой согласен и в отношении связи материального с духовным, и наоборот. И в силе характера каждого. И в том, что время летит, и мы меняемся. Я сам вспоминаю себя мальчишкой. Так иной раз хочется на недельку вернуться в «прекрасное далёко» ... И мы обязательно во всём разберёмся. Ведь надо жить дальше. А богатство по большей части искать в самих себе, в душах (не в карьере – пусть она и будет, и не в дорогих обновлениях. Всё хорошо в меру). Я тут вот что подумал, а чтобы нам с тобой не встретиться, сходить в кафе. Я приглашаю... На Театральной площади есть очень приличное заведение с хорошей кухней и приятной музыкой. Ты как? Там поговорим обо всём. Назначай время, а я закажу столик.

Пиши. Сергей

Привет, Сергей!

Я смогу в этот четверг часов в семь вечера у «Оки». Оттуда и до кафе недалеко. До встречи...

В тот четверг снова закружил снег. Был он, как в одном из сообщений Татьяны, такой же пушистый и мягкий, быстро засыпавший территорию у бывшего кинотеатра «Ока», теперь вынужденно служившей торговой площадкой. Снег цеплялся за ветви деревьев и нависал на них, будто седыми бровями. Снежинки искрились холодными искрами в свете первых загоревшихся фонарей. Воздух был морозным, свежим и чистым.

Сергей издали увидел женскую фигуру, кого-то определённо напоминавшую. Он бесшумными шагами приблизился и слегка дотронулся до её плеча. Она обернулась... Его сердце захолонулось и радостью, и болью. Перед ним стояла его жена...

Сон

Солидный бравый петух прогуливался по усыпанной мелкой щебёнкой дороге, шириной для проезда всего одной машины. Вела она от тихой и спокойной речки к сельскому магазину.

Петух был разнопёрый, но более всего рыже-красный. Зная себе цену, поднимал он свои лапы со шпорами с непередаваемым словами достоинством. Позади петуха шли три курочки, беспокойные и суетливые. Они о чём-то оживлённо между собою кудахтали, то и дело опуская короткие клювы в поисках съестного.

За ними со стороны реки показалась дорогая машина – чёрный блестящий джип. Автомобиль неслышно подкатывал вплотную к курочкам. Чувствуя его приближение, они всполошились.

– Кудах! Тах-тах! Кудах-тах-тах! – запричитали куры, как деревенские бабёнки возле магазина в ожидании привоза модного товара. Ощувив мощные колёса «железного коня» прямо за своими хвостами, они заметались из стороны в сторону, поначалу бросаясь прямо под автомобиль, и лишь потом отбежали в высокую траву, оглашая паническим кудахтаньем ближайшие окрестности.

Сохраняя невозмутимый вид, петух подался ближе к обочине и, слегка ускорив шаг, выдал себе под клюв:

– Куд! Куд! Куд!

Из придорожной травы ему в ответ послушалось:

– Кудах-тах-тах-тах! Куд-тах-тах-тах!

Петух не оглянулся, всё также важно вышагивая и высоко поднимая длинные лапы со шпорами. Он лишь ещё чуть-чуть принял вправо, следуя одному ему ведомой тропой.

Машина, пофыркивая, прокатилась мимо него и замерла на площадке возле сельского магазина. Николай Сергеевич посмотрел в боковое стекло на распорядок работы торговой точки.

Перед ним над рекой разгорался закат. Яркая красная полоса говорила народной приметой про завтрашний ветряный день. Его непреодолимо потянуло в сон. Отложив посещение магазина на неопределённый срок, он сложил руки на руле и склонил голову. Ночь перед поездкой в эту когда-то родную деревню выдалась бессонной. Не то чтобы она была тревожной, и кошки на душе не скребли, а вот непонятно почему, ему не спалось.

К обеду он добрался до деревни и остаток дня провёл у речки, глядя на тихое и спокойное течение, будто следуя вечным истинам, что на текущую воду и горящий огонь можно смотреть вечно. Кое-какие детские воспоминания тревожили душу, но легко и без нервогрёпки.

А сон, в который он уже погрузился, показал ему коротко стриженного босоногого мальчишку лет пяти, спешившего к добротному дому из тёмно-красного кирпича. Мальчик был довольно симпатичен и по виду боек. На щеке у него пролежала грязная полоска, а штанишки самодельного пошива выглядели коротковатыми.

На лужайке перед домом его поджидала девочка примерно одного с ним возраста. Она сидела на стульчике и держала в руках нарядную куклу. На ней было красивое сине-белое платье совсем не деревенского покроя. Мальчик подошёл ближе. Девочка поднялась и, оставив на столе куклу, радостно шагнула ему навстречу. Они постояли всего мгновение.

– Ну, идите, идите, погуляйте, – раздался с крыльца голос пожилой женщины.

Мальчик протянул руку девочке. Он видел её лицо словно в тумане, и хотя на самом деле тумана никакого не было, а ему было просто немного тревожно и сладко на неё смотреть, и от того её личико будто заволакивала лёгкая дымка. Большие тёмные глаза, полные губки, имели то самое очарование невинной чистоты, которое длится очень недолго. Она взяла его за руку.

Дети поспешили вниз по спуску в глубокий овраг. Там внизу стоял деревянный сруб. Он окружал чистейшее пространство воды, из которого вытекала тонкая прозрачная струйка. На дне неглубокого водоёма во множестве пестрели разнокалиберные камешки всяких оттенков. Вода делала их чуточку крупнее, и от этого можно было разглядеть грани даже самых мелких. Через каждые несколько секунд со дна вздымался прозрачный шар новой порции родниковой воды.

Мальчик и девочка принялись что-то соорудить из веточек, в изобилии разбросанных вокруг сруба. Потом они стали играть в прятки. Часа через два голос пожилой женщины громко и требовательно позвал детей обедать. Их усадили за столик, перед каждым стояла тарелка с творожной массой.

Мальчику был знаком вкус деревенского творога и сметаны. Но тут с добавлением изюма, ванили, сахара и чего-то еще, блюдо становилось просто волшебным.

Девочку повели укладывать спать, а мальчик отправился восвояси – поиграть со своими деревенскими сверстниками, а затем он шёл к своей бабушке, поручавшей ему ответственные задания по сбору огурцов или поливу грядок из детской лейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.